

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 9

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2022

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-летию Владислава Александровича Лекторского

- «Время философствует». Беседа Т.Г. Щедриной с В.А. Лекторским..... 5
- А.А. Гусейнов** – Мораль и наука: характер их связи
(к 90-летию со дня рождения академика В.А. Лекторского)..... 14
- А.В. Смирнов** – «Стволовая клетка» сознания, культуры, цивилизации
(к 90-летию академика В.А. Лекторского)..... 25
- В.Н. Порус** – Духовность и свобода..... 36
- И.Т. Касавин** – Наука и современный гуманизм..... 47
- В.В. Васильев** – Философия и когнитивная наука: варианты диалога..... 59
- Б.И. Пружинин** – Культура и история как измерения
современной эпистемологии..... 67

Философия и общество

- Ю.Д. Гранин** – Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение..... 76
- К.В. Ворожихина** – Цивилизационная уникальность России,
ее основополагающие ценности и исторический путь:
взгляд Ф.М. Достоевского..... 87

Философия и наука

- А.Ю. Севальников** – Критика естественнонаучного метода у Хайдеггера..... 98
- И.А. Рыбакова** – Философские аспекты физики в трудах В. Гейзенберга:
что такое действительность?..... 108
- В.Н. Князев, М.Ю. Морозов** – К истокам теории фрактального..... 116

«Стволовая клетка» сознания, культуры, цивилизации (к 90-летию академика В.А. Лекторского)*

© 2022 г. А.В. Смирнов

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: public@avsmirnov.info

Поступила 22.03.2022

Человек и его сознание невозможны вне культуры и общества, определяются ими, но культура и общество, воспитывая человека и его сознание, вместе с тем заданы именно сознанием человека. Эта рекурсивная отсылка исключает установление линейных причинно-следственных связей между сознанием, культурой и обществом. Вместо традиционной диалектики индивидуального и общественного сознания, выступавшей как разрешение этого затруднения, автор предлагает трактовать сознание, культуру и общество как разворачивание исходной и нередуцируемой «стволовой клетки» – начала человеческого сознания. В качестве таковой выступает связность «что-и-какое», обнаруживаемая на всех традиционно выделяемых уровнях работы сознания (восприятие, речь, мышление) как конкретная технология предикации. Технология задания связности «что-и-какое» вариативна, чем определяется исходная и нередуцируемая вариативность разума, а значит, и множественность типов разума. Исследовательской задачей становится изучение неевропейских больших культур, прочитывание их архива и выявление в максимально возможной полноте типологии рациональности. Эта задача в значительной степени выполнена для субстанциального (европейская большая культура) и процессуального (арабо-мусульманская большая культура) типов рациональности. В статье приведены примеры задания существенных черт мировоззрения, языкового поведения, общественных институтов типом рациональности. Дано подробное определение «что-и-какое» как начала разворачивания сознания, культуры и цивилизации.

Ключевые слова: «что-и-какое», связность, большая культура, культурные практики, универсализм, вариативность разума, типология рациональности, субстанциальный разум, процессуальный разум.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-25-35

Цитирование: *Смирнов А.В.* «Стволовая клетка» сознания, культуры, цивилизации (к 90-летию академика В.А. Лекторского) // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 25–35.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798, внутренний номер 13.1902.21.0022).

Consciousness, Culture and Civilization ‘Stem Cell’ (in Commemoration of V.A. Lektorsky’s 90th Anniversary)*

© 2022 Andrey V. Smirnov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: public@avsmirnov.info

Received 22.03.2022

It is culture and society that make it possible for human consciousness to emerge and develop, yet it is human consciousness that gives an impulse to culture and society and sets their guidelines. This inevitable self-reference makes it impossible to define straight cause-and-effect dependence between consciousness, culture and society. Traditionally, the dialectics of individual and collective consciousness was supposed to solve the puzzle. In its stead, it is proposed to understand all the three as the unfolding of the same ‘stem cell’, i.e., the ‘what-and-such’ *svyaznost’* (connectivity and linkage) that displays itself at every level of consciousness: perception, speech and thought. The ‘what-and-such’ *svyaznost’* cannot be further reduced, because the ‘what’ loses its ‘whatness’ without its ‘such’, and its ‘such’ dissolves when not linked to its ‘what’, and at the same time the ‘what’ and ‘such’ stay always distinct and unmerged. The technology of setting the ‘what-and-such’ linkage varies, accounting for the basic variability of human reason. There is a pressing need to scrutinize the archive of non-European big cultures in order to disclose new, hitherto unknown types of reason. This task had been carried out to a large extent in regard to the substance reason (European big culture) and process reason (Arab-Muslim big culture), where fundamental specificity of worldview, language usage and society are set by the specific type of rationality. The perspective of studying the South-Asian and Far-Eastern types of reason is outlined. The detailed definition of the ‘what-and-such’ as the principle of consciousness, culture and society is proposed.

Keywords: ‘what-and-such’, *svyaznost’* (connectivity and linkage), big culture, cultural practices, universalism, multiple types of reason, rationality map, substance reason, process reason.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-25-35

Citation: Smirnov, Andrey V. (2022) “Consciousness, Culture and Civilization ‘Stem Cell’ (in Commemoration of V.A. Lektorsky’s 90th Anniversary)”, *Voprosy filosofii*, Vol. 9 (2022), pp. 25–35.

В работах Владислава Александровича Лекторского всесторонне исследованы вопросы сознания, культуры и цивилизации ([Лекторский 2012; Лекторский 2018] и др.). Мы можем говорить об определенной линии, даже определенной традиции в нашей отечественной мысли, которая нацелена на максимально целостное исследование и объяснение феномена человека. Человек невозможен вне культуры и общества, но культура и общество, воспитывая человека и его сознание, вместе с тем заданы именно

* The research was carried out with a financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project “New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach”, Agreement No. 075-15-2020-798, inside No. 13.1902.21.0022).

сознанием человека. Не буду останавливаться на этом подробно, назову лишь некоторые известные имена: И.Т. Фролов о гуманизме [Фролов 1989], А.С. Ахиезер о социокультурном единстве [Ахиезер 1997–1998], антропосоциокультурный подход Н.И. Лапина [Лапин 2020], развившего идеи П. Сорокина и А.С. Ахиезера. В.С. Степин от глубоких исследований в области философии науки поднялся до изучения культуры и цивилизации, применив к этим областям единый подход [Степин 2018]. Сегодня бурное развитие нейронауки, когнитивистики, лингвистики и востоковедения добавляет новые ноты в попытки отечественных ученых и философов написать симфонию человека – уже человека мира, а не только человека европейской культуры. Многолетние исследования академика В.А. Лекторского, осмысляющие современное состояние этого комплекса наук, принадлежат данной линии отечественной философии – линии целостностного исследования человека-в-культуре. Мне хотелось бы, присоединяясь к этой линии, предложить рассуждение на такую тему: как возможно целостностное понимание человека-в-культуре – человека, обладающего сознанием и создающего цивилизацию?

Владислав Александрович – убежденный сторонник материалистического подхода к сознанию. При всех сложных и даже сложнейших нюансировках этой позиции в современной философии и, в частности, в работах чествуемого нами юбиляра, она остается в основе своей именно такой, поскольку исходит из необходимости объяснить сознание как часть объективного мира, как произведенное объективным миром. Вся сложность этой позиции – в том, чтобы проложить научно удостоверяемый путь к тому, что академик Лекторский называет «субъективная реальность». Позицию, которую выработал Владислав Александрович на этом пути, он сам обозначает как конструктивный реализм. Избегая наивного представления о «копировании» (или «отражении») мира в сознании, которое выступало бы в таком случае как пассивное зеркало, простой фиксатор внешнего мира, и признавая конструктивную активность сознания, эта позиция тем не менее оказывается реалистичной в том смысле, что исходит из безусловной данности нам мира как он есть, из его конечной объективности и, главное, утверждает универсальную данность этого объективного мира всем нам – любому человеческому сознанию. Эта позиция очень удачно соотносится с общим умонастроением нейронауки и когнитивистики: не случайно Владислав Александрович уже много лет возглавляет работу Совета по искусственному интеллекту при Президиуме РАН.

Я – не менее убежденный сторонник другого подхода к сознанию. Максимилиан Волошин говорил о «противоупоре» как о том, что необходимо в жизни общества и что создает устойчивость и поддерживает целостность здания¹ – здания в прямом смысле, где противоупор сводов и контрфорсов держит постройку, или же в переносном, как здания культуры или здания философии. «Противоупор» Волошина – это проявление характерного для русской мысли и русской жизни стремления к всесубъектности, к выявлению и сохранению правды и осмысленности как особого места для каждого. Надеюсь, что моя позиция создаст конструктивный противоупор позиции Владислава Александровича, встраиваясь в отечественную традицию целостностного понимания человека-в-культуре.

С чего начинать такой разговор?

Думаю, начинать надо с самого начала – с сознания; и не просто с сознания, а с того, с чего начинается сознание. «Начинается», конечно, в логическом смысле, а не в смысле возникновения во времени или еще как-то.

В название статьи вынесена метафора стволовой клетки. Речь не просто о «клетке» – не просто о чем-то мельчайшем, образующем, с одной стороны, некий строительный «атом» организма и в этом смысле неделимом, а с другой – сложноустроенном и сложносоставном; иначе говоря, не просто о клетке как о том, с чего надо начинать. Речь именно о стволовой клетке – такой, которая может стать всем чем угодно другим в организме. Так и здесь. То, с чего я хочу начать, может развернуться во все, о чем мы говорим, и задача теории – показать, как это разворачивание происходит.

Что такое разворачивание? По каким шагам оно осуществляется? Вряд ли кто-то может сегодня исчерпывающим образом ответить на этот вопрос, но во всяком случае

нельзя отрицать, что это имеет место. Когда я пишу эту статью, я разворачиваю некую свернутость внутренней речи. Другой пример: можно научить человека решать тот или иной тип задач, натаскать его на конкретную задачу, а можно научить его математически мыслить. Это – два разных способа освоить математику. Когда учат математически мыслить, человек может решить любую задачу. Он лишь разворачивает свою способность математически мыслить и применяет ее к любой ситуации. Это, кстати, имеет прямое отношение к устройству нашего образования. ЕГЭ – это первый путь: натаскивание на конкретику и обрубание способности к связности, манкуртизация сознания, купирование способности мыслить, способности развернуть мышление применительно к любой задаче. Далее, доказательство теоремы разворачивает все то, что заложено в ее аксиомах и исходных данных, а также в правилах вывода. Вообще любой вывод разворачивает исходные положения. Когда школьник пересказывает текст или пишет изложение, он разворачивает в устной речи или на листке свой тетрадки то, что после прочтения излагаемого текста оказалось свернутым у него «в голове». Сворачивание-разворачивание – скорее рутинная, нежели загадочная процедура, которую наше сознание привыкло совершать ежедневно: мы пускаем ее в ход, рассказывая «вкратце» прочитанную книгу, пересказывая суть лекции или статьи.

Что такое «стволовая клетка» сознания?

Ключ ответа на этот вопрос – следующий: сознание – это способность к связности. (Не связанности, а именно связности.) Что такое связность? Это именно то минимальное, что может развернуться. Способность к связности – ключевая способность человеческого сознания, которая отличает его от сознания животных. Выдвину этот сильный тезис, который может быть модифицирован разного рода оговорками (они очевидны), но который должен быть сохранен как таковой. Во всяком случае, это верно для высших уровней связности, таких как речь. Мы говорим: связная речь, связное мышление – понятно, что мы имеем в виду.

Способность к связности – это вовсе не способность к знакам. К знакам, к оперированию ими способны, конечно же, животные. Но к связности животные если и способны, то не все и лишь к самым простым формам связности, но не к высшим или сложным.

О связности чего идет речь? Дело в том, что мы всегда воспринимаем мир как *нечто*, которое является *таким-то*. Вот это – минимальное и несокращаемое; то, что мы не можем редуцировать. Иначе говоря, мы воспринимаем мир как «что-и-какое». Мы никогда не можем говорить о чистом субъекте или о чистой субстанции. Неоплатоники попробовали говорить о Едином как о чистом «что» без всякого «какое»: Единому ничто не предидируется. Не получилось. Значит, полагание «что-и-какое» – это именно полагание связности, такой связности, которую мы не можем разорвать. Если мы оторвем одно от другого, они перестанут быть: «что» без «какого» не является «чем-то», а «какое» без «что» тоже не является «каким».

Способность полагать такого типа связность и есть ключевая способность человеческого сознания. Это – первый шаг на нашем пути к тому, чтобы обнаружить «стволовую клетку» сознания, культуры и цивилизации.

Эта способность проявляется на всех шагах познавательного процесса: она не только ключевая, но и сквозная. Начать с самого начала – с того, что называют «чувственное восприятие». Когда мы открываем глаза и замечаем мир, мы видим не некую сумму данных. Можно ведь задать такой вопрос: почему так получилось, что мы как биологические существа воспринимаем мир не так, как его воспринимает датчик? Ведь вообще-то как было бы хорошо, если бы мы воспринимали мир как сумму данных: такое восприятие было бы совершенно адекватным, было бы прямым и точным отражением мира. Но мы для чего-то формируем в своей голове систему *вещей*. А способность воспринимать вещь, а не данные о мире – это способность человеческая. Ведь датчики не воспринимают вещи – они воспринимают данные, и только человек интерпретирует эти данные как вещи. А вещи – это именно «что-и-какое». Любая вещь, если мы говорим о привычном нам способе полагания «что-и-какое», – это

субъект и некая сумма предикатов. Итак, чувственное восприятие; далее – язык, точнее, речь и способность к ней (язык – абстракция от речи, ее формализация), а речь – это всегда субъект и предикат, подлежащее и сказуемое. Меньше не бывает; это – исходное. Во всяком случае, это верно для того, о чем я говорю: для европейской большой культуры, которая говорит на европейских языках, и для арабо-мусульманской большой культуры, основным для которой служил и во многом до сих пор служит арабский язык. И это касается не только использования обыденного языка, но и способа построения высказывания и суждения. Значит, касается логики.

Итак, первый тезис: связность «что-и-какое» – это ключевая и универсальная способность человеческого сознания. Универсальная, если мы ее формулируем именно в таком виде, не конкретизируя, как именно связываются «что» и «какое», по какой именно «технологии» и что из этого вытекает.

Дальше. Эта способность должна осуществляться в какой-то форме. И мой второй тезис заключается в том, что способы такого осуществления вариативны. Нет универсального человеческого сознания в конкретизированной форме способности к связности. Здесь хорошей аналогией служит понятие языковой способности, которой пользуются лингвисты. Человек рождается со способностью к языку. Но именно со способностью к овладению языком, а не с готовым языком. И эта способность может быть осуществлена в определенном возрасте в отношении любого языка, так что любой язык для конкретного человека станет родным, если он освоит его в этом возрасте. Но не могут все языки быть родными. Вы можете выучить любой язык, однако родным будет только один. (Может быть, и два – билингвы [Бородай 2020, 389–393]; но уж точно не все.) Так и здесь: способность к связности в общем случае может быть развернута только в каком-то одном варианте, навязываемом практиками той большой культуры, в которой мы социализируемся (здесь, конечно, социокультурное единство и взаимопроникновение). Этот вариант мы воспринимаем как единственно возможный, и он поэтому становится для нас универсальным. Универсализм, таким образом, который доводится философией до рефлексивного осознания, – это такого рода универсализм: отдельное, принятое за всеобщее; универсальное в пределах данной, и только данной, большой культуры. Значит, до сих пор нет универсализма универсального; всякий универсализм локален.

Тогда возникает вопрос: сколько таких больших культур, сколько типов разума? Ведь способ полагания «что-и-какое» задает именно тип разума, ибо задает тип предикации, тип логики в строгом смысле, включая тип логического доказательства. Например, процессуальная логика работает только с единственным и нуждается, в отличие от субстанциальной логики, не в построении классов или их иерархий, а в выстраивании цепочек единичных процессов для составления строгого доказательства, и это меняет вообще все, весь ландшафт рациональности. Сколько таких типов разума? Мы сейчас с коллегами работаем над такой типологией. Мы выделяем как минимум четыре: субстанциальный (европейская большая культура), процессуальный (арабо-мусульманская большая культура), южноазиатский (индийская большая культура), дальневосточный (китайская большая культура). Эта типология не до конца удачна с точки зрения названий, следует поискать адекватные для последний двух типов рациональности: выражения «Южная Азия» и «Дальний Восток» обозначают географические области, не отсылая к типу рациональности. Но это дело будущего. Главное, что это – разные типы разума, а значит, разные способы полагания «что-и-какое», соответственно, разные типы логики, разные типы исходного (если говорить о философии) круга базовых категорий, таких как – для субстанциального мышления – «бытие», за пределы которого европейская философия не выходит, несмотря на весь свой плюрализм; разные наборы исходных логических законов, таких как закон противоречия – регулятивный закон для субстанциального разума: он не работает как регулятивный, хотя не обязательно нарушается, в другом типе рациональности; зато для субстанциального типа рациональности не будут работать те регулятивные законы, которые работают там.

Дальше. От того, с каким именно типом разума мы имеем дело, зависит, как именно будет устроено общество, его институты и ключевые системы общественной

регуляции – право и этика. Он определяет, как будет устроено логическое понимание того, что такое человек; не содержательное – содержательное идет потом, а именно логическое. Например, человек понимается как индивид, и общество тогда – это собрание индивидов? (Таково европейское понимание, следующее за логикой субстанциального разума.) Или же человек понимается как действитель, который всегда связан с тем, что воспринимает его воздействие, или как воспринимающий действие другого? Каково исходное положение? Понятно, что любой индивид действует. Но вы сначала его конституируете как индивида, и уж затем он начинает действовать в обществе. Вам придется в таком случае придумать теорию коммуникативной рациональности или что-то еще, что сможет это отразить; вы мистифицируете Другого, не в силах по-настоящему проникнуть в его монадически закрытую субстанциальность. А ведь тема «я-и-ты» взята европейской философией как раз оттуда, где главенствует процессуальное мышление [Бубер 1993]; но тщетно: логика культуры и логика мышления, прямо по Н.Я. Данилевскому, не передаются и не заимствуются [Данилевский 1895, 95–96] – и вот сегодня европейская феноменология все еще пытается освободиться от давящего, по мнению некоторых, представления о субстанциальности Я, чтобы проложить путь к *Мы*²; между тем «философия местоимений» – развитая тема, можно сказать, общее место классической арабо-мусульманской мысли, где это создало почву для плодотворных размышлений и интересных метафизических, этических, правовых выводов: здесь благодаря процессуальному мышлению, изначально ориентированному именно на Другого как вторую сторону протекания действия, без которого такое действие невозможно, Другой не мистифицируется, а принимается и исследуется. Но все это идет потом, и все равно – вернемся к большой европейской культуре и европейской философии – это завязано на изначальное понимание человека как индивида. С этим связана и трактовка собственности, и идеология, и общее мировоззрение. Человек такой рациональности конституирует себя как самотождество «А=А»: «Я – это я», и строго охраняет границы этого самотождества. Здесь (но именно и только здесь) есть смысл говорить об идентичности, поскольку идентичность и есть тождественность или самотождественность.

Если у вас такая модель разума, то общество будет устроено иерархически, поскольку данное, субстанциальное мышление – это мышление иерархиями классов. Классов не только в социологическом, но прежде всего в логическом смысле, хотя и социологический смысл имеет к этому прямое отношение – это не случайное совпадение терминов: основываясь на рациональности такого типа, вы не можете мыслить, не формируя иерархий классов. Самый простой пример иерархии – родо-видовая. Возьмем простейшую родо-видовую конструкцию (род и два вида). Интуитивное оперирование такой иерархией, которая может быть развернута (вот вновь – разворачивание) в Бозциево древо или во что-то еще, встроено в нашу манеру использовать язык. Если бы это было не так, мы не могли бы использовать отрицание для выражения положительных понятий. Например, мы не могли бы говорить «нехороший» в смысле «плохой». Почему мы понимаем «плохой», когда слышим «нехороший»? Ведь «нехороший» просто отрицает хорошень, ничего не утверждая. Но мы понимаем, что это значит «плохой». Почему? Да потому, что в своем сознании мы восстанавливаем род, в который встроено понятие «хороший», и тогда отрицание одного вида этого рода, отрицание «хорошего», – это утверждение другого вида этого же рода, утверждение «плохого». (Неважно, что обыденное сознание склонно совершать логические ошибки при таких операциях: сама возможность подобных ошибок задана именно данным типом рациональности.) Эта интуитивная операция совершается мгновенно, поскольку мы к этому приучены: она не от бога – она от той большой культуры, в которой мы социализировались и благодаря бесчисленным практикам которой мы привыкли совершать такие операции автоматически. А в пределах языковых привычек арабского языка такая операция не работает, там нет этого механизма – там не принято указывать на положительное понятие, используя отрицание, потому что когнитивная архитектура, использующая арабский язык, не настроена на то, чтобы мыслить иерархиями.

Этот язык хорошо соответствует процессуальному типу рациональности, которая оперирует единичными процессами, но не иерархиями, потому что процессы (то есть протекания действий, а не изменения субстанций во времени, как к тому привыкло субстанциальное мышление) – это не субстанции, которые иерархируются по признаку включения во все большие и большие классы, пространственные объемы.

Для рациональности субстанциального типа характерна пространственная интуиция. Она принципиальна: этот тип предикации, этот тип логики схватывается – для нашего восприятия – кругами Эйлера, которые задействуют пространственную интуицию. Поэтому для Европы характерна, начиная с Греции, созерцательность. Наша манера представлять время пространственно относится к этому же. О склонности к «опространствливанью» сейчас много говорят когнитивисты. Откуда эта привычка большой европейской культуры представлять время как пространство? «Стрела времени», «сдвином вправо» и т.п. выражения: откуда они, почему они понятны? Почему время изображается пространственно? Потому что пространственная интуиция лежит в основе данного, характерного для европейской большой культуры типа полагания «что-и-какое», пронизывая все шаги смыслополагания, нанизывая их на себя и так создавая эпистемную цепочку.

Процессуальное мышление исходит из действия как первичной действительности (правильная игра слов). В качестве исходного это мышление берет не субстанцию, а действие и опирается на ту интуицию, о которой говорил Бергсон [Бергсон 1914^а, 9] – просто удивительно, насколько удачно он ее схватил. Собственно, в разных своих работах он все время пытается пробиться к действию (см., например: [Бергсон 1914^б, 81–84, 107; Бергсон 2014^с, 20, 30, 54] и др.), рассмотреть действие как первое. В большой арабо-мусульманской культуре именно такой подход реализован в метафизике, в типе полагания «что-и-какое», это реализовано в арабском языке, где нет глагола «быть» [Badawi et al. 2004, 307, 400; Шиммель 2012, 268; Смирнов 2021, 123–166]. Представьте себе язык, где нет глагола «быть», и попробуйте на этом языке выразить закон тождества «А есть А», обойдясь без связки «есть» и соответствующей когнитивной операции. Попробуйте мыслить на этом языке. Большая арабо-мусульманская культура смогла это сделать (хотя европейцу это покажется, скорее всего, невозможным), развил и метафизику, и логическое доказательство, которые необыкновенно интересны, если только мы не ищем там привычных категорий и законов, а строим эту рациональность с самого начала так, как ее строила сама большая арабо-мусульманская культура. Этот тип рациональности задает целеполагание, понимание человека и общества, строение общественных институтов.

Например, предположим, что человек понимается изначально иначе, чем к тому привыкло субстанциальное мышление – не как самотождественный индивид-субстанция, а как включенный в протекание действия и, следовательно, всегда сопряженный с «другой стороной» этого действия, будто то претерпевающее или действующее. Тогда общество понимается как сеть процессуальных действий и взаимодействий, и история такого общества – это история становления, развития и преобразования действий, протекающих между действующим и претерпевающим, а не история классов. И тогда вам нужна другая теория общества – не социология классов, групп и страт, а теория общества как сети взаимодействий. Именно такого типа теория была создана Ибн Халдуном (1332–1406; см.: [Смирнов ред. 2020, 551–570]). И при всем внимании к этому мыслителю в западном интеллектуальном пространстве эта принципиальная, конституирующая логика его теории упускается из виду. А ведь по этой логике выстроено и исламское право.

Процессуальный тип рациональности задает исходный набор категорий, где не будет ни бытия, ни единства и множественности, ни части и целого, ни всего того, что излагается в наших учебниках по «общей» философии. В самом деле, открыв учебник с названием «Философия», мы найдем там изложение основных инструментов и приемов мышления, подаваемых как общечеловеческие. Но это не так: под видом общечеловеческого там излагается философия, развитая большой европейской культурой

на основе субстанционального типа рациональности. Точно так же социальные теории, созданные европейцами на европейском материале, прекрасно работают в пределах большой европейской культуры, поскольку и теория, и общество заданы одним и тем же типом рациональности. Но это только один из возможных универсализмов. Есть другие универсализмы, заданные другими типами разума. И те теории, которые там созданы, чаще всего оказываются не очень понятны нам, их не взять наскоком, поскольку они не отвечают герменевтическим ожиданиям, сформированным большой европейской культурой. Герменевтические ожидания – это в первую голову категориальные сетки и логические операции, к которым носитель этой культуры приучен и которых он не находит в другой большой культуре, поскольку и то, и другое там задано изначально по-другому. Но это «по-другому» остается в общем случае закрытым от восприятия и понимания, потому что, чтобы увидеть и понять это «по-другому», нужно либо освоить это теоретически, либо получить практику той большой культуры.

Но как это сделать? Нам нужно понять, как возможно аподиктическое процессуальное доказательство без обращения к иерархии классов, без обращения к соотношению общее-частное-единичное. Уже говорилось, что мы должны отказаться от своих герменевтических ожиданий и не надеяться встретить в другой большой культуре (в данном случае – арабо-мусульманской) привычные категории и логические приемы. Тогда что мы обнаружим вместо них? Мы найдем в качестве едва ли не центральных категории «явное-скрытое» (*захир-батин*) и «корень-ветвь» (*асл-фар*). Но «явное» и «скрытое» обманут наши ожидания, поскольку не выражают соотношений между поверхностным и глубинным, между явлением и сущностью и т.д. А что такое «корень-ветвь» для европейского философа или ученого? Какая-то маловразумительная растительная метафора, которая таковой останется для нас, пока мы не выйдем за рамки привычной нам рациональности. А значит, мы и не поймем общество, мировоззрение и т.д., созданные на основе другого типа рациональности, сколько-нибудь адекватно, пока не научимся постигать этот тип рациональности. Я вижу всю проблематичность понятия «адекватность понимания», но если мы ломаем само базовое устройство, тогда это, конечно, не адекватное понимание. Вот почему нам нужно подходить к объяснению других больших культур изнутри, опираясь на «тезаурус культуры» [Ткаченко 1995], восстанавливая «потенциальный текст культуры» [Романов 1997; Романов 2003], выстраивая ее рациональность вслед за ней, а не путем приравнивания к привычной нам субстанциональной (европейской) рациональности или отталкиваясь от нее. Европейские теории объясняют, конечно, неевропейские большие культуры, но они объясняют их, ломая. И если ученый согласен сломать материал, чтобы впихнуть его в теорию, то он будет такую теорию использовать. Такие ученые тоже есть. Но если человек понимает, что материал ломается и перед тобой уже не то, что ты изучаешь, а какие-то обломки, которые всунуты в теоретический каркас, он так делать не станет. Поэтому многие хорошие востоковеды стремятся вовсе не касаться общих теорий, отстраниться от них, склоняясь к чистой дескрипции, – именно потому, что у них нет хорошей теории. Хотя, конечно, любое описание теоретически нагружено, и такой уход от большой теории – иллюзия.

Отсюда одна из основных стратегий востоковедных исследований: вживание в чужую культуру. Для чего нужно это «вживание»? Для того, чтобы компенсировать тот процесс, через который мы естественно проходим, социализируясь, когда мы вбираем практики своей большой культуры и формируем свой тип рациональности.

Можно ли пойти вторым путем: освоить непривычный тип рациональности теоретически, не повторяя долгий путь социализации в другой большой культуре? Можно. Для этого нужно взять ее ствольную клетку, «что-и-какое» в процессуальном варианте – как протекание действия между его двумя сторонами. И далее пройти основные узлы этой эпистемной цепочки: чувственное восприятие (картина мира, теоретическая и обыденная), язык и речь, теоретическое мышление. Излишне говорить, что каждый шаг такого продвижения должен сверяться с архивом большой арабо-мусульманской культуры и проверяться по нему. Тогда мы сумеем адекватно выстроить теоретический

тезаурус этой культуры, этого мышления в его собственных терминах и его собственной логике, не подстраивая их под наши герменевтические ожидания. Это же касается южноазиатского и дальневосточного типов рациональности.

Так можно выстроить рациональность «с нуля», с самого начала, «не беря ничего от греков» [Жюльен 2001, 5–6], то есть взяв в скобки собственную рациональность. Но если мы устраним полностью свой разум, всю рациональность, с чем мы остаемся? Ни с чем? Нет; мы остаемся со *способностью к связности* – ключевой способностью человеческого сознания. Она не устраняется взятием в скобки всего содержания нашего сознания и даже логических инструментов, которые оно использует. Она и не может быть устранена, пока мы – люди, обладающие сознанием. И тогда задача заключается в том, чтобы эту способность развернуть по-другому: в другое «что-и-какое», основанное на другой интуиции («интуиции» потому, что рациональность придет позже и выстроится на основе этого первичного полагания; но «интуиция» здесь – не что-то загадочное и «мистическое», это не субъективная, а объективная данность – спрессованные разнообразные практики большой культуры), и из этой стволовой клетки развернуть теоретический аппарат, показать логику, мировоззрение и т.д. – все, о чем я говорил.

Таким образом, вот суть моей позиции: есть разные типы разума в самом базовом значении этого слова, когда мы понимаем под рациональностью все начиная с восприятия и поднимаясь через языковое мышление к теоретическому мышлению, включая строгую логику, тип доказательства. Моя теория – не цивилизационная, поскольку любая цивилизационная теория – универалистская по своему аппарату. Не по содержанию, а по теоретическому аппарату. Даже если она говорит о локальных цивилизациях, она говорит о них одинаково, на основе одного и того же теоретического аппарата, тех же самых приемов мышления. Между тем задачей философии является усомниться во всем, а значит, и в базовом теоретическом аппарате, который она же сама использует. И ответить на вопрос: почему мы используем этот аппарат, а не другой? Это и есть задача критики и оправдания разума. Удивительно, что европейская философия гордится своей критичностью и рефлексивностью, тогда как сама себя она критически не разбирает с точки зрения самых последних оснований. Размонтируя все что угодно на свете, чтобы узнать, как оно устроено, она только саму себя не может разобрать «до винтика». Значит, она остается догматичной – до тех пор, пока мы не научились выстраивать любую рациональность с самого начала, то есть с указания на способ осуществления нашей способности к связности, до развернутых теоретических конструкций.

Такое разворачивание – это всегда разворачивание целостности «что-и-какое», поскольку «что-и-какое» всегда – это объединение-и-противоположение, которые могут быть устроены по-разному, откуда и проистекает различие логик. (Как по-разному они устроены в случае родо-видовой иерархии и в случае цепочки процессуальных протеканий действия между действующими и претерпевающими – в случае субстанциального и процессуального типов рациональности). Любая большая культура разворачивает одну из способностей человеческого разума как такой-то тип рациональности. Большая культура – это то, что, как правило, включает массу подкультур, которые все основаны на одном и том же типе рациональности, хотя содержательно они могут различаться и даже в чем-то быть противоположны. Есть большая европейская культура, тогда как входящие в нее подкультуры: американская, английская, немецкая и т.д. – могут быть даже противоположны и в чем-то несовместимы. Но есть простой операциональный критерий, который всегда можно использовать. Не бессмысленными являются выражения типа «история европейской философии» или «история европейской литературы». А вот «история восточной литературы» – это бессмысленное выражение, потому что нет единой литературной традиции «Востока», точно так же как нет и «Востока» (так что противопоставление «Восток–Запад» – это пустое противопоставление), поскольку «Восток» не основан на каком-то едином типе рациональности.

Большая культура, разворачивающая определенный тип рациональности, может быть успешной, то есть существовать долго и развивать себя в адекватных самой себе формах, только когда становится основанием для общественных институтов. Так

и возникает цивилизация. Для меня цивилизация и культура не могут быть разъяты во времени, как когда говорят, что цивилизация – это застывшая культура, которая перестала творчески развиваться. Я полагаю, что, если есть большая культура, есть и цивилизация, потому что большая культура не может не выстраивать общественное тело. И в этом смысле принцип антропосоциокультурного единства вполне созвучен тому, о чем я говорил выше и о чем размышляет В.А. Лекторский.

Чтобы найти путь к другому типу рациональности, надо понять его устройство. Стволовая клетка сознания, культуры и цивилизации – это один из возможных вариантов полагания «что-и-какое», заданный исходной интуицией противоположения-и-объединения и разворачивающийся по шагам эпистемной цепочки (полагание картины мира, язык и речь, теоретическое мышление) как тезаурус культуры, исчерпывающе определенный всеми его внутренними связями и составляющий таким образом потенциальный текст этой культуры, поднимающийся, благодаря опоре на разработанный тип рациональности, до уровня большой культуры, способной включать в себя множественные подкультуры, развивающей общественное «тело» (институты, системы регуляции поведения) и передающей свой опыт следующим поколениям носителей через многообразные культурные практики и так создающей цивилизацию определенного типа.

Примечания

¹ «Нет равенства – есть только равновесье, // Но в равновесьи – противоупор, // И две стены, упавши друг на друга, // Единый образуют свод» – «Бунтовщик» («Путями Каина. Трагедия материальной культуры») [Волошин 2004, 35].

² Свой доклад «Мы и Я (We and I)» на VI Словацком философском конгрессе 21.10.2020 Дэн Захави начал такой фразой: “We’ve been all brainwashed by Descartes”, «Декарт всех нас пустил не по тому пути».

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Ахиезер 1997–1998 – Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). 2-е изд. Т. 1–2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998 (Akhiezer, Alexandre S., *Russia: Critique of Historical Experience (Social and Cultural Dynamics of Russia)*, in Russian).

Бергсон 1914^a – Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 5. СПб.: Издание М.И. Семенова, 1914 (Bergson, Henry, *Introduction à la métaphysique*, Russian Translation).

Бергсон 1914^b – Бергсон А. Материя и память / Пер. В. Базарова // Собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Издание М.И. Семенова, 1914 (Bergson, Henry, *Matière et mémoire*, Russian Translation).

Бергсон 1914^c – Бергсон А. Непосредственные данные сознания (время и свобода воли) / Пер. Б. Бычковского // Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Издание М.И. Семенова, 1914 (Bergson, Henry, *Essai sur les données immédiates de la conscience*, Russian Translation).

Бубер 1993 – Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993 (Buber, Martin, *Ich und Du*, Russian Translation).

Волошин 2004 – Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891–1931 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2004 (Voloshin, Maksimilian A., *Collected Works*, in Russian).

Данилевский 1895 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1895 (Danilevsky, Nikolay Ya., *Russia and Europe in Perspective of Cultural and Political Relations of the Slavic World to the German-Roman*, in Russian).

Фролов 1989 – Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1989 (Frolov, Ivan, *On Human Being and Humanism (Opera Miscellanea)*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Бородай 2020 – Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм / Отв. ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2020.

Жюльен 2001 – Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик? Стратегия смысла в Китае и Греции / Пер. В.Г. Лысенко. М.: Московский философский фонд, 2001.

Лалин 2020 – Лалин Н.И. Общая социология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.

Лекторский 2012 – Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: Канон+, 2012.

Лекторский 2018 – Лекторский В.А. Человек и культура. СПб.: СПбГУП, 2018.

Романов 1997 – Романов В.Н. Исповедь научного работника, или Утешение методологией // Три подхода к изучению культуры / Под ред. В.В. Иванова. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 93–127.

Романов 2003 – Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М.: Савин С.А., 2003.

Смирнов (ред.) 2020 – История арабо-мусульманской философии: Учебник и Антология / Под ред. А.В. Смирнова. М.: Академический проект: ООО «Садра», 2020.

Смирнов 2021 – Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021.

Степин 2018 – Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2018.

Ткаченко 1995 – Ткаченко Г.А. К проблеме построения языка описания культур Востока (и Запада) // Историко-философский ежегодник 1994. М.: Наука, 1995. С. 361–364.

Шиммель 2012 – Шиммель А. Мир исламского мистицизма / Пер. Н.И. Пригариной, А.С. Рапопорт. 2-е изд. М.: ООО «Садра», 2012.

References

Badawi, El-Said, Carter, Michael G., Gully, Adrian (2004) *Modern written Arabic: a comprehensive grammar*, Routledge, London, New York.

Borodai, Sergey Yu. (2020) *Language and Cognition: An Introduction to Postrelativism*, ed. V.A. Lektorsky, A.V. Smirnov, Sadra, YaSK Publ., Moscow (in Russian).

Jullien, Francois (2001) *Detour and Access: Strategies of Meaning in China, in Greece*, Moskovskiy filosofskiy fond Publ., Moscow (Russian Translation).

Lapin, Nikolay I. (2020) *General Sociology: University Textbook*, Yurayt publ., Moscow (in Russian).

Lektorsky, Vladislav A. (2012) *Philosophy, Cognition, and Culture*, Kanon+, Moscow (in Russian).

Lektorsky, Vladislav A. (2018) *Human Being and Culture*, Saint Petersburg Trade Unions Humanitarian University, Saint Petersburg (in Russian).

Romanov, Vladimir N. (1997) “Research Fellow’s Confession, or Consolation by Methodology”, Ivanov, V., ed., *Three Approaches to the Study of Culture*, Moscow State University Publ., Moscow (in Russian).

Romanov, Vladimir N. (2003) *Historical Development of Culture in Perspective of Psychological Typology*, Savin Publ., Moscow (in Russian).

Schimmel, Annemarie (2012) *Mystical Dimensions of Islam*, Sadra Publ., Moscow (Russian Translation).

Smirnov, Andrey V., ed. (2020) *History of Arab-Muslim Philosophy. Textbook and Anthology*, Akademicheskyy Proekt, Sadra Publ., Moscow (in Russian).

Smirnov, Andrey V. (2021) *Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness (an Invitation to Discussion)*, YaSK Publ., House, Moscow (in Russian).

Stepin, Vyacheslav S. (2018) *Human Being. Practice. Culture*, Saint-Petersburg Trade Unions Humanitarian University, Saint-Petersburg (in Russian).

Tkachenko, Grigory A. (1995) “A Propos the Difficulty of Defining the Language for Description of the Cultures of the East (and of the West)”, *History of Philosophy Yearbook 2002*, Nauka, Moscow (in Russian).

Сведения об авторах

СМИРНОВ Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Author’s Information

SMIRNOV Andrey V. – DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Main Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.